

27 сентября
(осталось 2682 дня)

Каждые три минуты на огромной земле пропадает один человек. Пропадает без следа и навечно. В большом городе ежедневно исчезает не меньше десятка людей. Кто-то пеняет на реки-моря, катаклизмы и катастрофы, кто-то — на иностранную разведку, на работорговлю, кто-то даже приплетает инопланетян. Но лишь единицы знают настоящую правду. Правду, которую людям знать не полагается, да и те, кто слышал, все равно не верят, иначе сошли бы с ума.

У нас в училище неделю назад пропал один парень. Вышел вечером с собакой — и не вернулся. До сих пор нашли только то, что осталось от собаки. Говорят, ее смогли опознать лишь по чипу в холке.

Нет, я не знаю точно, кто это сделал. Те, на кого я думала больше всего, выдают себя за много километров. Когда я слышу их запах, у меня сжимаются кулаки и хочется убивать. Но в этот раз их поблизости нет, вот в чем штука. Воздух чист, но мне все равно беспокойно: ведь я не знаю, кто это сделал. Все мои догадки таковы, что при людях лучше помалкивать. Не поймут, не поверят, а поймут и поверят — будет еще хуже.

Поезд смертников

7

Поэтому когда кто-нибудь заговаривает о пропавшем парне, я либо отмалчиваюсь, либо несу всякую чушь:

— ...Был, например, еще Жеводанский зверь, волк невероятных размеров. Он убил какое-то нереальное количество людей, и сколько облав на него ни устраивали, так и не поймали. Охотники пачками несли дохлых волков в надежде получить награду, а все оказывались не те.

Людам такого не скажешь, а мне больше всего жалко этих волков. Монстр, за чьи грехи незаслуженно казнили кучу народу (пусть даже и волчьего), — что может быть несправедливее?

— И кто это, по-твоему? — Килька, моя соседка по кубрику, сидела на койке по-турецки и смотрела на меня поверх учебника. — Неужели оборотень?

Я опять сверкнула глазами на слово «оборотень» (пора уже научиться держать мимику в руках!) и торопливо скорчила Кильке рожу. Не заметит. А заметит — не поймет.

— Может, гибрид какой, вроде волкособа, они крупные бывают. Но скорее просто бешеный волк, а все остальное — плоды народного творчества.

— Точно: у страха глаза велики. — Килька задумчиво мусолила двумя пальцами уголок страницы: загнуть или еще поделать вид, что читаешь?

Противная все-таки манера, и вся Килька противная. Бесит. Хочу жить одна.

Уголок она загнула, захлопнула книгу и серьезно уставилась на меня:

— Вот ты вспомнила о гибридах, а я думаю... Только не смейся!

— Что ж смешного, думай себе. Может, понравится.

— Сама дура. Я думаю: ведь Виталик жил почти у самого Дома Советов! И наверняка с собакой гулял где-то поблизости...

Я хрюкнула и полезла за своими учебниками. Потрещать с соседкой о девичьем, конечно, хорошо, но уроки тоже надо делать. Особенно если вы обе несете чушь.

— Ты веришь в эти сказки про Дом Советов?

— Веришь не веришь, а подвал его до сих пор до конца не разгребли. Видели только пару закрытых комнат, а дальше руины, руины, в которые никто не лазил, потому что опасно. И что там такое осталось среди тех руин...

— Чудище, полученное в результате секретных опытов! Если идти мимо лунной ночью, можно услышать, как оно во-оет! — Я пошевелила над ее головой растопыренными пальцами, будто собираюсь сцапать. — Знаю, читала. Ну бред же, Катя! Я скорее поверю в призрак того архитектора, которого заперли в подвале, когда увидели, что дом оседает.

— Архитектор точно был, не путай.

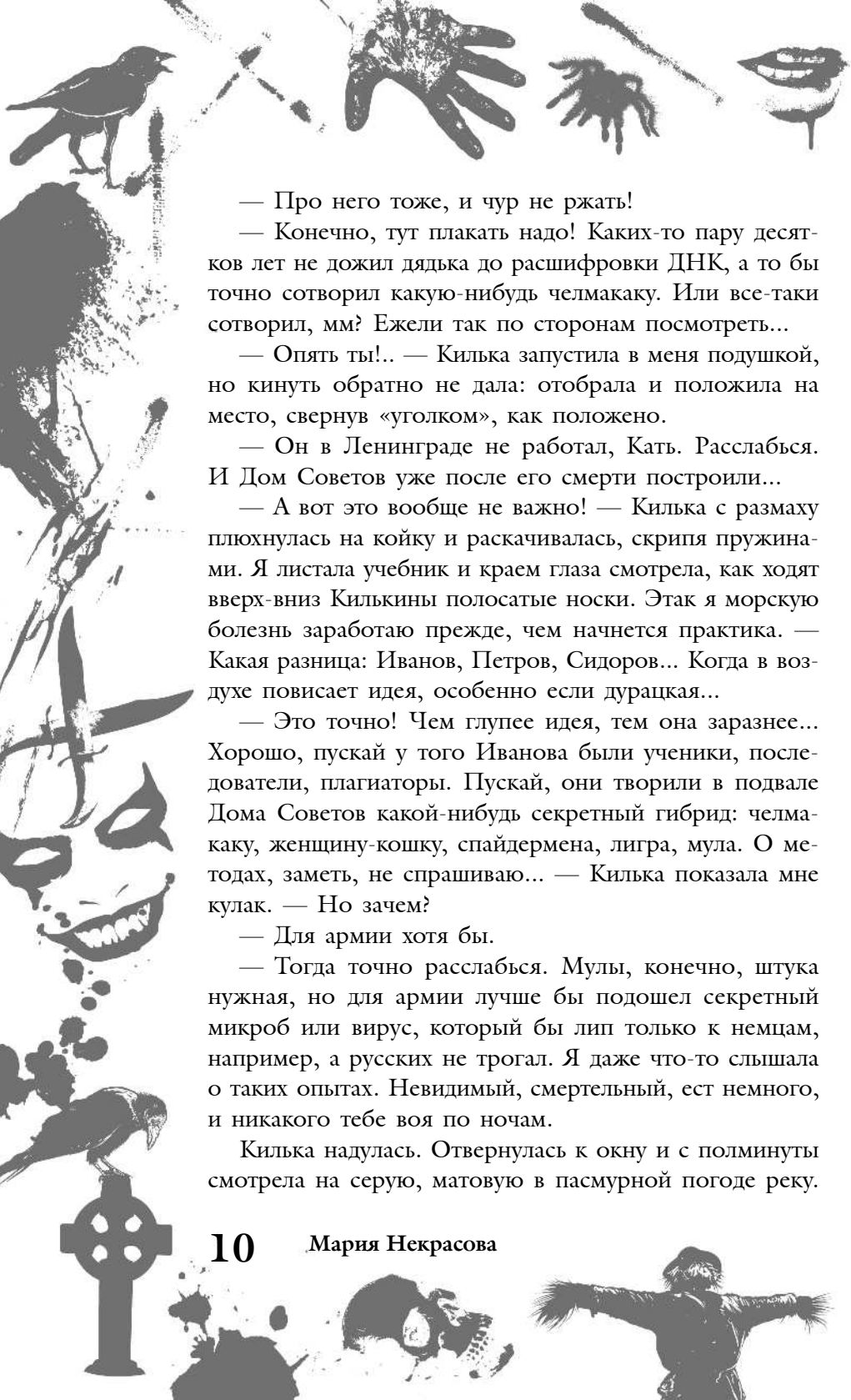
— Вот! А чудовище-то откуда? Я даже не спрашиваю, как его получили, главное — зачем?

— Вот я и говорю: опыты по гибридизации и межвидовой трансплантации органов были очень популярны в начале прошлого века... — Килька учится на «ихтиандре»¹ и в биологии сечет. Иногда лучше, чем я думаю. Вот и сейчас к городским легендам приплела известного ученого, которого я вообще забыла, как зовут.

— Ты сейчас про этого... который все человека с обезьяной скрещивал?

¹ Факультет ихтиологии и рыбоводства.

— Про него тоже, и чур не ржать!

— Конечно, тут плакать надо! Каких-то пару десятков лет не дожидаясь до расшифровки ДНК, а то бы точно сотворил какую-нибудь челмакаку. Или все-таки сотворил, мм? Ежели так по сторонам посмотреть...

— Опять ты!.. — Килька запустила в меня подушкой, но кинуть обратно не дала: отобрала и положила на место, свернув «уголком», как положено.

— Он в Ленинграде не работал, Кать. Расслабься. И Дом Советов уже после его смерти построили...

— А вот это вообще не важно! — Килька с размаху плюхнулась на койку и раскачивалась, скрипя пружинами. Я листала учебник и краем глаза смотрела, как ходят вверх-вниз Килькины полосатые носки. Этак я морскую болезнь заработаю прежде, чем начнется практика. — Какая разница: Иванов, Петров, Сидоров... Когда в воздухе повисает идея, особенно если дурацкая...

— Это точно! Чем глупее идея, тем она заразнее... Хорошо, пускай у того Иванова были ученики, последователи, плагиаторы. Пускай, они творили в подвале Дома Советов какой-нибудь секретный гибрид: челмакаку, женщину-кошку, спайдермена, лигра, мула. О методах, заметь, не спрашиваю... — Килька показала мне кулак. — Но зачем?

— Для армии хотя бы.

— Тогда точно расслабься. Мулы, конечно, штука нужная, но для армии лучше бы подошел секретный микроб или вирус, который бы лип только к немцам, например, а русских не трогал. Я даже что-то слышала о таких опытах. Невидимый, смертельный, ест немного, и никакого тебе воя по ночам.

Килька надулась. Отвернулась к окну и с полминуты смотрела на серую, матовую в пасмурной погоде реку.

Кисло становилось от этого зрелища. Зато она хотя бы перестала раскачиваться и скрипеть пружинами. Все равно бесит.

Я успела открыть таблицу неправильных глаголов в «Инглише» и устроиться за столом у окна, прежде чем Килька снова подала голос:

— Ты правда считаешь, что человек мог исчезнуть сам по себе?

Нет. Но Кильке этого знать не надо.

— Почему сам по себе? Есть куча способов: инопланетяне, сетка Сандерсона, инфразвук...

Снова тишина. Килька полезла гуглить.

Я уже почти забыла, что не одна в комнате, когда она подала голос:

— А хорошее оружие этот твой инфразвук. Чего его не используют? Нажми на кнопку — получишь результат.

— У оператора башка лопнет. И наушники не спасут.

— А дистанционное управление на что?

— Катя, ты меня пугаешь.

— А меня пугает эта история! Особенно собака. Ни инфразвук, ни инопланетяне не способны сделать с животным такое.

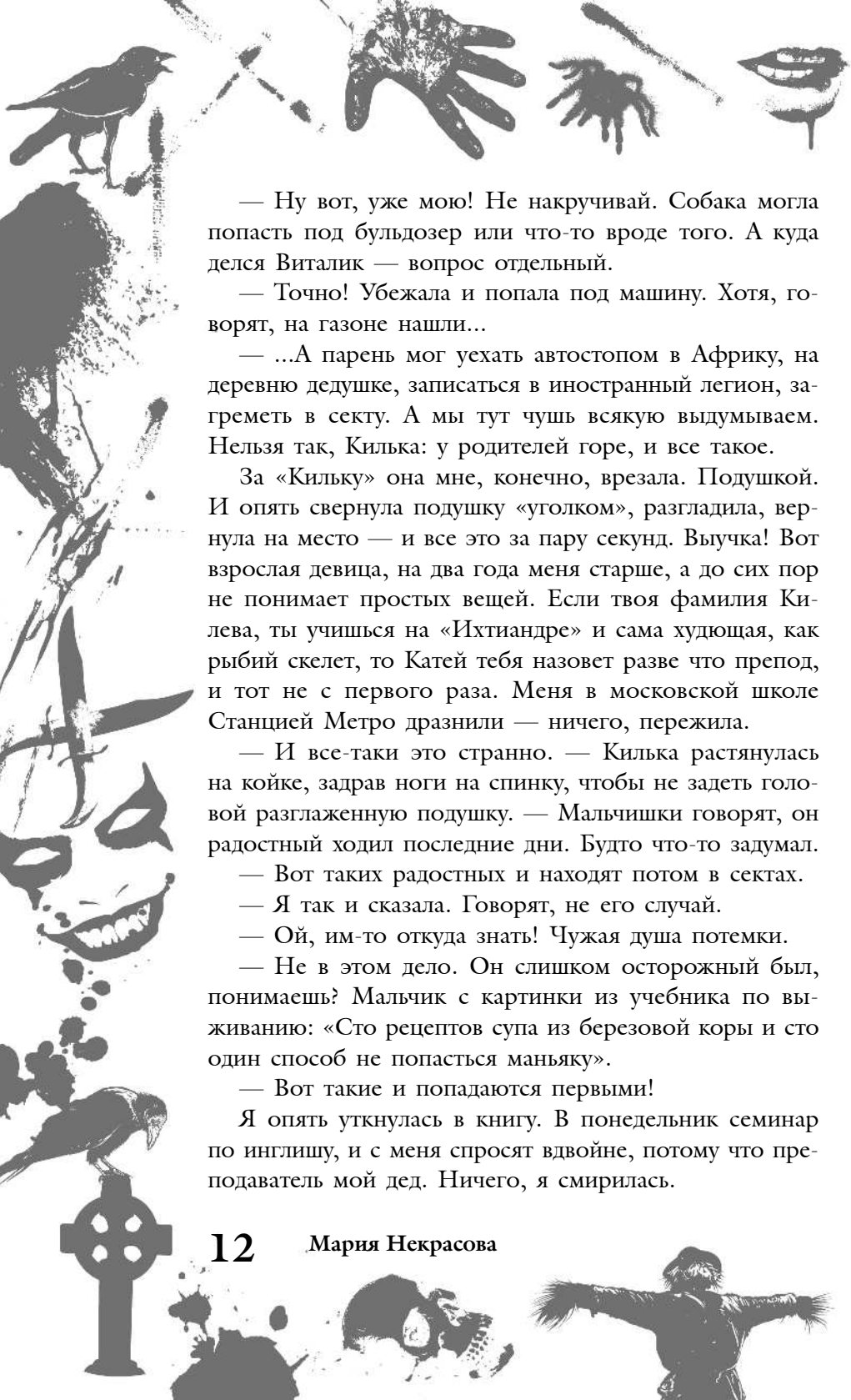
— Да уж, маньяки какие-то... Кстати, да: почему ты не допускаешь, что это все маньяк? По-моему, самое вероятное из того, что мы тут несем. Ну, конечно, после секты, иностранного легиона... Да просто надоело человеку все, он и уехал автостопом в Африку!

— Зачем про Африку сказала? Я теперь тоже хочу.

— Вот видишь, и ты не устояла...

— Серьезно, Ир. Самое вероятное — оно ведь и есть самое страшное. Я про маньяка. Инопланетяно небошь никто не боится, как и твою челмакаку дурацкую.

— Ну вот, уже мою! Не накручивай. Собака могла попасть под бульдозер или что-то вроде того. А куда делся Виталик — вопрос отдельный.

— Точно! Убежала и попала под машину. Хотя, говорят, на газоне нашли...

— ...А парень мог уехать автостопом в Африку, на деревню дедушке, записаться в иностранный легион, загреметь в секту. А мы тут чушь всякую выдумываем. Нельзя так, Килька: у родителей горе, и все такое.

За «Кильку» она мне, конечно, врезала. Подушкой. И опять свернула подушку «уголком», разгладила, вернула на место — и все это за пару секунд. Выучка! Вот взрослая девица, на два года меня старше, а до сих пор не понимает простых вещей. Если твоя фамилия Килева, ты учишься на «Ихтиандре» и сама худющая, как рыбий скелет, то Катей тебя назовет разве что препод, и тот не с первого раза. Меня в московской школе Станцией Метро дразнили — ничего, пережила.

— И все-таки это странно. — Килька растянулась на койке, задрав ноги на спинку, чтобы не задеть головой разглаженную подушку. — Мальчишки говорят, он радостный ходил последние дни. Будто что-то задумал.

— Вот таких радостных и находят потом в сектах.

— Я так и сказала. Говорят, не его случай.

— Ой, им-то откуда знать! Чужая душа потемки.

— Не в этом дело. Он слишком осторожный был, понимаешь? Мальчик с картинки из учебника по выживанию: «Сто рецептов супа из березовой коры и сто один способ не попасться маньяку».

— Вот такие и попадают первыми!

Я опять уткнулась в книгу. В понедельник семинар по английшу, и с меня спросят вдвойне, потому что преподаватель мой дед. Ничего, я смирилась.

— А все-таки что-то тут нечисто, — не унималась Килька.

Я старательно не отвлекалась: «come, come, come».

— Когда пропадает человек, остается след, — Килька разгорячилась и трещала уже на повышенных тонах. — Хоть пост во «ВКонтакте», хоть бабка, видевшая из окна, как тебя затаскивали в машину...

«Cost, cost, cost».

Вдох, выдох, вдох.

Мало кто поверит, но я убеждена: немалую часть проблем в этой жизни можно решить с помощью дыхательных упражнений.

— Ну хоть тело находят! — взвизгнула Килька прямо мне в ухо. Она успела вскочить и нависнуть надо мной как строгая училка. — Ты отмалчиваешься, будто тебе все равно.

Kill! Kill! Kill!

Хочу жить одна.

Вдох, раз-два, выдох.

Насилие не наш метод. А то мне может понравиться.

Я поймала Кильку за руку и стала подстраиваться к ее дыханию. Неправильно, знаю. Я не волшебник, я только учусь, я делаю как мне удобнее. Пульс у Кильки выстукивал так, будто она по лестнице бежала. И ладонь потная. Нравился ей, что ли, этот пропавший? Похоже на то...

— Ир, ты чего?

Я уставилась сквозь Кильку и стала изо всех сил представлять себе нашу столовку, стойку с булочками: песочные кольца, посыпанные орешками, лежат на подносе красивой пирамидкой... Когда у самой слюнки потекли, спросила:

— Печеньку хочешь?

— Да ну тебя! — Килька выдернула руку и стала рас-
сеянно тереть висок.

Я все представляла, как надкусываю такое «колечко»
и орешки хрустят на зубах. На форменную рубашку
обязательно сыплется песочное тесто, без этого никак.
Входя в образ, я даже стряхнула с себя воображаемые
крошки, и на Кильку это подействовало:

— Зубрилка ты бессердечная, вот ты кто! Пойду, что
ли, правда на камбуз сбегая, чем с тобой тут... Тебе
что-нибудь принести?

Я только дернула плечом и уткнулась в книжку.

* * *

— Спускайся!

Приказы не обсуждаются. Хотя приказы деда мне
уже порядком надоели. Четырнадцать лет я прекрасно
жила без него, так получилось. Но минувшим летом
выяснилось, что кроме матери, сестры и тетки с дядь-
кой у меня есть еще дед. Он возник на горизонте,
и все изменилось. Я пересехала к нему в Питер, по-
ступила в училище и... Да много чего! Дело не в этом.
Дело в том, что он зовет к себе на выходные, а мне
нельзя.

Нет, наверняка ночью мне будет легче, если он будет
рядом. Спокойнее точно будет. Но нельзя, я это давно
поняла. Дед — это праздник. Все праздники кончаются,
и тогда наступают будни, когда ты должна справляться
сама. А я еще очень плохо справляюсь сама. Дед этого
не понимает.

...И еще он приказывает. Он всегда приказывает. Это
кого хочешь взбесит.

Вдох, раз-два, выдох.

Гнев плохой советчик. Сто сорок пять умножить на двести тринадцать... Тридцать тысяч восемьсот восемьдесят пять.

Хотелось, минуты три хотелось рывкнуть «Фиг тебе!» и вцепиться руками в стол, чтобы никуда не увели. Но надо быть умнее.

Я захлопнула учебник и приготовилась отвечать.

Вдох, раз-два, выдох.

Я представляла море, корабль и себя на борту. Я вступаю на вахту, может быть первую в жизни, и немного волнуюсь. Я прошу вахтенного помощника: «Разрешите стать на руль!» — «Становитесь!» — отвечает он почему-то голосом биологички из моей московской школы. Я проверяю, горят ли сигнальные огни на бортах, чтобы корабль было видно в темноте, потому что уже смеркается, и подхожу к рулевому матросу. Сперва я долго пытаю его про гирокомпас, магнитный компас, градусы... Он подробно докладывает. Наверное, мы оба несем чушь, потому что в училище мы все это еще не проходили, а у рулевого матроса совершенно ошалевшее лицо моего дядьки, оставшегося в Зеленограде. Вытаращив глаза, дядька рапортует: «Курс по какому-то компасу сколько-то градусов сдал!» Я принимаю курс и, прежде чем стать на руль, смотрю в небо, где уже видна полная луна. Встаю. Дожидаюсь, пока уйдет матрос-дядька, которого я сменила... И бегу к шлюпкам, оставив вахту! Или так за борт прыгаю — еще лучше. ...А потому что боюсь быть одна в тяжелые ночи! Спасибо бабушке, вырастил неженку!

Моя воображаемая луна ушла за облака, и корабль пропал вместе с морем. Вместо всего этого я увидела широченный офицерский ремень с огромной пряжкой. У деда вроде такого не было, но выглядел ремень весьма

